

Вопрос о византийском иммунитете затрагивается Г. А. Острогорским вскользь, поскольку в основе исследования здесь лежат только писцовые книги. Изучение иммунитета должно вестись на основе кропотливого изучения всего богатейшего документального материала, дошедшего до нас от поздневизантийского времени. Это изучение вскроет многие, еще невыясненные в науке, особенности византийского феодализма.

Статья Г. А. Острогорского представляет некоторый интерес, как свод замечаний, относящихся к аграрной истории византийского крестьянства, в основном давно известных и сделанных главным образом русскими византистами. Порочная идеалистическая концепция Г. А. Острогорского мешает ему сделать правильные выводы. Только советские византилисты, работая на основе марксистско-ленинского метода, способны разобраться в сложном, еще недостаточно изученном комплексе феодальных отношений Византийской империи.

Б. Т. Горянов

Д. АНГЕЛОВ. ФЕОДАЛИЗМЪТ ВЪ ВИЗАНТИЯ.

Исторически преглед III (1946—47), кн. 2.

Для современного западноевропейского буржуазного византиноведения характерным является его идеалистическое направление. Признавая и всячески подчеркивая прогресс в истории Византийской империи, современные буржуазные историки рассматривают его как „прогресс духа“. „Основным для историка Византии, — пишет Г. Острогорский, — является вопрос, как... греко-христианский дух жил и развивался в римской форме, насколько он сумел себе эту форму подчинить и насколько сам ей подчинился и к ней применился“.¹ Еще ранее А. Гейзенберг утверждал: „Византия — это ставшая христианской Римская империя греческой нации. В этой тройственности заключены глубочайшие корни ее существа“.²

Наряду с идеалистической постановкой вопроса для современных буржуазных византинистов характерно стремление к идеализации Византийской империи; они подчеркивают, что сильная государственная власть создавала для Византии особое место в средневековом мире.³ Полемизируя с создавшимся в конце XVIII и начале XIX в. представлением о Византии как о „худшем государстве“,⁴ они пересматривают вопрос о цезарепапизме, о регламентации ремесла, о хозяйственной роли церкви, стремясь показать, что хозяйственная деятельность церкви была якобы плодотворной, регламентация ремесла содействовала его бурному развитию, а церковь вела независимую политику, сопротивляясь императорской власти. Современные буржуазные византилисты пересматривают характеристики отдельных политических деятелей, стремясь поднять на щит многих из тех, кто был осужден старой историографией: А. Грегуар, например, в рецензии на „Историю Византийского государства“ Г. Острогор-

¹ Г. Острогорский. Отношения церкви и государства в Византии. — *Seminarium Kondakovianum* IV (1931), 122.

² А. Heisenberg. Staat u. Gesellschaft d. byzantinischen Reiches. — *Kultur d. Gegenwart*. Lpz., 1923, S. 304.

³ G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*, München, 1940, S. 18.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 192.

ского стремится представить Михаила Пьяницу выдающимся политическим деятелем, а результаты политики Юстиниана весьма плодотворными для дальнейшей политической истории Византии.

Изучение истории Византии на Западе, созыв конгрессов, издание многочисленных журналов — все это обусловлено тем, что в современной реакционной буржуазной исторической науке распространяется интерес к истории именно тех государств, в которых была развита бюрократическая государственная машина — орудие подавления трудящихся масс. Апологеты империализма пытаются „показать“, сколь велико было благополучие трудящихся масс под заботливым вниманием бюрократического государства. Такую задачу, разумеется, можно выполнить лишь путем прямой фальсификации истории.

Этот апологетический интерес делает понятной реакционность западноевропейского византиноведения. Нельзя считать случайностью, что среди буржуазных византинистов были такие известные реакционные деятели, как Филов, Г. Братиану, английский дипломат Ренсимен и др. Не случайно, что глава немецких византинистов А. Дёльгер прославлял на IV конгрессе византинистов в Софии (в 1934 г.) „благотворное влияние“, оказанное якобы „фюрером“ на развитие немецкого византиноведения, а Г. Острогорский еще в 1940 г. выступал с нападками на Советский Союз.

Все это объясняет, почему западноевропейские и американские византинисты бессильны создать научную историю Византийской империи. Зато у них имеют самое широкое хождение различные „теории“, претендующие на то, чтобы объяснить особенности исторического развития Византийской империи. Очень модной является за рубежом концепция, которую можно назвать теорией „обратного пути“ византийской истории: в то время, как на Западе, — утверждают сторонники этой теории, — крестьяне из несвободных превращались в свободных, в Византии, наоборот, свободное крестьянство было низведено до положения античных рабов.⁵

Лишь в очень немногочисленных работах западноевропейских буржуазных историков встречаются попытки рассматривать византийское крестьянство как феодальное: Острогорский говорит о *dominium utile* париков,⁶ Соловьев и Мошин сравнивают их с западными вилланами,⁷ КонстантINESCU, утверждая, что в Византии до XI в. применялся преимущественно труд рабов и мистиев, предполагал, что с конца XI в. парикия принимает характер западного вилланства.⁸ Однако все эти попытки не идут далее провозглашения в самой общей форме сходства парикии с западноевропейским вилланством. Лишь отдельные частные вопросы были поставлены в самое последнее время Мошиным⁹ и Острогорским.¹⁰

Только советские византинисты правильно поставили вопрос о византийском феодализме. Они впервые стали последовательно рассматривать Византию как государство феодальное. Византийская империя прошла тот же путь исторического развития, что и государства Западной Европы, конечно, со своими особенностями.

⁵ G. Brătianu. Servage de glèbe et régime fiscal. — Annales d'histoire économique et sociale, V (1933).

⁶ G. Ostrogorsky. Agrarian conditions in the Byzantine empire. — Cambridge Economic History, v. I (1942), p. 218.

⁷ А. Соловьев — В. Мошин. Гречке повелье српских владара, Београд, 1936, стр. 479.

⁸ N. Constantinescu. Réforme sociale ou réforme fiscale? — Bull. de la section historique de l'Académie Roumaine, XI (1924), 108.

⁹ В. Мошин. Δουλικὸν ζευγάριον — Seminarium Kondakovianum., X, 1938.

¹⁰ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, — Byzantinoslavica, IX, 1946.

На фоне работ западноевропейских буржуазных историков несомненно выделяется статья болгарского ученого Д. Ангелова, который, используя многочисленные источники, рисует историю византийского феодализма. Эта статья представляет для советского читателя тем больший интерес, что автор ее пытается опереться на марксистско-ленинское определение феодализма. Это показывает, что учение марксизма-ленинизма завоевывает себе все большее число приверженцев в странах народной демократии. Однако Д. Ангелов — далеко не марксист.

По мнению Ангелова, феодализм характеризуется тремя особенностями: натуральным хозяйством, полной собственностью феодала на землю, сопровождающейся закрепощением крестьян, и, наконец, соединением земельной собственности с политической властью. Это определение близко к определению феодализма у классиков марксизма-ленинизма, однако оно несколько неточно. Для феодализма характерна не полная собственность феодала на землю, но двойственная или, вернее сказать, дробимая собственность. Феодалный крестьянин является собственником земли, правда условным, и только с развитием денежной ренты он превращается постепенно в простого арендатора.¹¹ Далее, собственность в феодальном обществе выступает как бы раздробленной между представителями господствующего класса. Эта „иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными“.¹² Феодалная земельная собственность „покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне“.¹³

Далее, вместо неопределенного и расплывчатого выражения: „соединение земельной собственности с политической властью“, следовало бы говорить о внеэкономическом принуждении, о специфике выкачивания феодалной ренты.

Первый период в истории византийского феодализма, по мнению Д. Ангелова, приходится на IV—VII вв. В это время Византия была еще мировой империей, наследницей римско-эллинистических государств. Торговля и промышленность играли значительную роль в хозяйственной жизни империи, служившей посредницей между Центральной Азией и землями Средиземноморья. Поэтому Д. Ангелов говорит, что натуральное хозяйство было исключительным явлением, встречавшимся лишь в немногих районах (например, на Балканах). Основную массу сельского населения составляли колонны; хотя встречались еще рабы и свободные крестьяне-общинники, но и те и другие все более отходили на задний план. Называя колоннов феодально-зависимым крестьянством, Д. Ангелов отмечает, что ранневизантийский феодализм не является классическим, он проникнут своеобразной двойственностью: здесь закрепощение крестьянства сочетается с развитым денежным обращением (стр. 219—221).

Второй период приходится на VII—X вв., когда империя переживает глубокие территориальные перемены, которые приводят к „истинному перелому в ее социально-экономической и общественной структуре“. С потерей Египта, Сирии, Месопотамии Византия лишается тех областей, где был особенно распространен труд закрепощенного населения. В то же время славянское вторжение дает империи новых свободных собственников. Исходя из всего этого, Д. Ангелов совершенно ошибочно считает, что в это время исчезают феодальные явления (стр. 222—223).

¹¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Партиздат, 1936, стр. 703.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.

¹³ Там же

Феодалные отношения, по мнению автора, вновь развиваются в Византии, начиная с первой половины X в., когда, с одной стороны, крупные собственники ведут наступление на крестьянство, а с другой, — в условиях господства арабов на море, — торговля становится невыгодной и хозяйство все более принимает натуральный характер. Нуждаясь в деньгах, императоры раздают войнам земли в пронию, т. е. в бенефиций. На своих землях прониары пользуются экскусией (иммунитетом), получают административные функции (стр. 223—225).

Последний период (1261—1453) — время бурного развития феодализации: теперь прония-бенефиций превращается в собственность (вотчину). Император раздает земли феодальной знати: севастократорам, кесарям и прочим титулованным особам, в результате чего ослабляется самая идея единой власти и империя превращается в конгломерат областей (стр. 226—227).

В заключение Д. Ангелов отмечает три особенности византийского феодализма: сохранение городов, сохранение свободного крестьянства и наличие сильной императорской власти, поскольку феодальная идеология еще не сложилась (стр. 227—228). Предложенная Д. Ангеловым периодизация опирается на принципы, далекие от марксизма, он исходит из случайных явлений.

Уже это краткое изложение содержания работы Д. Ангелова показывает, что он следует не столько марксистской методологии, сколько традициям русского дореволюционного византиноведения; в изложении истории византийского феодализма X—XV вв. Д. Ангелов следует за Ф. И. Успенским и, подобно последнему, придает первостепенное значение вопросу о пронии и ее эволюции. Единственной попыткой Д. Ангелова „сочетать“ теорию Успенского с марксизмом является стремление связать феодализацию с переходом к натуральному хозяйству. Однако натурализацию хозяйства Д. Ангелов понимает слишком упрощенно: разумеется, ослабление торговых связей в Средиземноморье в период арабского господства не могло породить феодализм. Кроме того, возможно ли говорить о натурализации хозяйства в это время, когда не только сохраняется по преимуществу денежная система обложения, но и более того, ряд старых натуральных повинностей (аннона, например) переводится на деньги? С другой стороны, Д. Ангелов сам подчеркивает сохранение городов в Византии, что также противоречит его утверждениям о натурализации хозяйства в X в.

Д. Ангелов чужд марксистский диалектический метод, поэтому он не ставит проблемы генезиса феодализма, генезиса феодальной собственности. Процесс феодализации X в. подменяется им простым расширением уже заранее данного крупного поместья (феодалного?); естественно спросить, откуда же взялись эти крупные собственники? Буржуазные историки (Андреадис, Острогорский) объясняют это очень просто: в результате ограничительных мероприятий императора Льва VI в городе („Книга епарха“) капитал уже не мог находить себе применения в ремесле и торговле и потек в деревню, — крупные собственники стали скупать землю. Тем самым вопрос о генезисе феодальной собственности подменяется простым переносом капитала из города в деревню.

Далек Д. Ангелов от марксизма и потому, что для него история феодализма — это история феодалов. Подробно разбирая вслед за Успенским историю превращения пронии в вотчину, Д. Ангелов оставляет вне поля зрения непосредственных производителей и даже не останавливается на такой кардинальной для всякого медиевиста проблеме, как закрепощение крестьянства. Еще в XI в., как отмечает Михаил Пселл,

пáрики имели свободу перехода (на это обратил внимание незаслуженно забытый русский исследователь Н. Скабланович), но уже в XIII в., когда франки вторглись в Морею, греческие феодалы просили их обещать им, греческим феодалам, крепостное право в их владениях. Запрещение перехода пáриков отчетливо сформулировано и в Кефалонийской описи 1262 г. В Малой Азии свобода перехода сохранялась несколько дольше: еще в XIII в. пáрики Лемвийского монастыря могли переходить на новые места и, чтобы вернуть их, монастырь должен был исхлопотать специальную грамоту императора. Окончательно крепостное право, повидимому, устанавливается в XIV в., когда появляется термин *πάροιχο φύσχοί* — „природные пáрики“.

Не уделяет Д. Ангелов должного внимания и таким категориям византийского сельского населения, как рабы и мистии, которые в IX—XI вв. играли весьма значительную роль в хозяйстве крупных собственников; не останавливается он и на превращении их в феодально-зависимое крестьянство.

Но и самая история феодала, история пронии, как ее изображает Д. Ангелов, вызывает некоторые сомнения. Он следует, как уже было отмечено, в этом вопросе за Ф. И. Успенским, не замечая того, что теория Успенского внутренне противоречива: установив на материале венецианских и сербских документов XV в. условный характер пронии, Успенский утверждает, что к XIV в. прония превращается в вотчину. Простое сопоставление этих дат должно бы привести к представлению об обратном развитии — от вотчины к бенефицию, тем более, что акты XV—XVI вв. рисуют развитую условную собственность на бывших территориях Византийской империи.¹⁴ Трудно согласиться с Д. Ангеловым и в его трактовке византийского иммунитета: если в византийской экскусии в XI в. видет иммунитет, то останется непонятным, каким образом экскусия могла быть пожалована и пáрикам (Пига, XX. I) и что представляли собой экскусаты дрома. К тому же, как правильно показал П. Яковенко, судебный иммунитет появился в Византии лишь в XIV в.

История классово́й борьбы не нашла достаточного отражения в работе Д. Ангелова. Монастырские акты и жития святых рисуют нам постоянную и ожесточенную борьбу крестьян, отстаивавших свои права: они не только покидают насиженные места и уходят „в бега“, рассчитывая найти лучшую жизнь в другом месте, но и создают разбойничьи отряды, угоняют скот феодалов, избивают монахов, поджигают монастырские строения и т. п. Мы знаем случаи, когда крестьяне с оружием в руках являлись на спорное поле и дружно, всеми упряжками деревни, запахи-вали его.

Все это показывает, что работа Д. Ангелова не является марксистской: он следует не методологии марксизма-ленинизма, но традициям русской исторической науки, Васильевскому и Успенскому. Но и это заставляет выделить его работу среди современных византиноведческих работ. Прежде всего заслуживает пристального внимания тот факт, что Д. Ангелов стремится разрешить основной для прогрессивного византиноведения вопрос: проблему общественного строя Византийской империи; при этом он решает его правильно, говоря о феодализме в Византии. Далее, Д. Ангелов делает бесспорный шаг вперед по сравнению с Васильевским и Успенским, поскольку он не просто отождествляет византийский фес-

¹⁴ П. Г. Ζερλέντος. Γραμμата Φραγκων δευκῶν τοῦ Ἀιγαίου πελάγους. Byzantinische Zeitschrift. 1904.

дализм с западноевропейским, но ставит вопрос об особенностях византийского феодализма; действительно, в Византии сохранялись весьма долго элементы дофеодалных общественных укладов: свободное крестьянство, рабство и т. п. Бесспорно прогрессивным является стремление Д. Ангелова дать периодизацию византийской истории (хотя с предложенной им периодизацией нельзя согласиться), в то время как подавляющее большинство западноевропейских историков или отрицают необходимость периодизации, или пользуются „периодизацией“ по династиям.

Следует приветствовать и то, что Д. Ангелов в трактовке истории VII в. порывает с характерной для буржуазного исторического мифотворчества концепцией (Острогорский), приписывающей „создание“ свободного крестьянства реформаторской деятельности императора Ираклия и его преемников, и объясняет изменения общественного строя империи в это время вторжением славян. Однако законное недоумение вызывает трактовка Д. Ангеловым вопроса о влиянии славян на историю Византии: почему германское вторжение в Западно-Римскую империю привело к созданию там феодальных отношений, тогда как славянское вторжение в Византию разрушило, по мнению Д. Ангелова, те феодальные отношения, которые уже пронизывали аграрный строй Восточно-Римской империи?

Буржуазные историки склонны объяснять это особенностью славянского характера, „мистической“, „мягкой“ славянской душой, которая делала славян якобы неспособными к созданию государств и т. п. (К. Кадлец, Ф. Дворник). Историки-марксисты отрицают наличие каких-либо принципиальных различий в общественном строе древних славян и германцев и показывают, какое огромное влияние оказала славянская колонизация и свободная славянская община на общественный строй Византии. Некоторые особенности политического строя Восточно-Римской империи были уже отмечены буржуазными историками (Штейн, Костер), но они не могли их объяснить. Чтобы понять причины устойчивости Восточно-Римской империи, следует обратить внимание на то, что наиболее крупные восстания рабов и колонов происходили в Западно-Римской империи (движение багаудов, циркумцеллионов, „квази-рабская война“ в Сицилии в середине III в., движение африканских рабов в связи с восстанием Максимиана Фракийца и т. п.). Это показывает, что кризис рабовладельческой формации на Западе был гораздо более острым, чем на Востоке.

В этом кроется главная основа того факта, что если варварам и удалось сокрушить Западную империю, то славянское вторжение в империю Восточную не привело к тем же результатам. Следует иметь в виду, что решающей причиной падения Западной империи была, прежде всего, причина внутренняя, а именно революция рабов: варварское завоевание могло стать победоносным лишь при условии победоносной революции рабов.

Однако вторжение славян на Балканы имело огромные последствия. Славянам не пришлось разрушать феодализм в Восточно-Римской империи, как думает Д. Ангелов; это не могло произойти по той простой причине, что сложившегося феодализма там еще не было; можно говорить лишь о зарождении феодального уклада в недрах рабовладельческой формации. Славяне, находившиеся на пути от общинно-родового строя к феодализму, не только не разрушали эти феодальные элементы, но, наоборот, значительно их укрепили. В работах советских исследователей (Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц,

М. Я. Сюзюмова) очень хорошо показано влияние славянского вторжения на складывание в Византии феодальных отношений.

Только с момента вторжения славянства, расшатавшего, хотя и не разрушившего, государственную машину рабовладельческой Византии, можно говорить о росте феодальных отношений в Византии.

А. П. Каждан.

ÉTUDES PALESTINIENNES ET ORIENTALES.

Robert Devreesse *Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945, pp. XIX+340.*

Антиохийский патриархат уже по связи со своим центром — городом Антиохией — должен был играть выдающуюся роль на Востоке. Антиохия на Оронте, некогда блестящая столица Селевкидов, была для Востока крупнейшим политическим, торговым и культурным центром, где сталкивалось влияние эллинистического мира с культурными традициями соседнего Ирана и семитических народностей. Отсюда — интересный синкретизм верований и нравов; собственная школа в богословии; распространение тайных культов, магии и суеверий. Антиохия часто была ареной крупных социальных движений. История восточных ересей в значительной мере связана с Антиохией. Все это вызывает интерес к изучению Антиохии и сирийских церквей.

Дать очерк истории антиохийского патриархата в связи с его исторической географией и поставить себе задачей Р. Девреесс.

Точно понятая тема требовала изложить историю патриархата в намеченных автором хронологических рамках — от торжества христианства до арабского завоевания — осветить его внутреннюю жизнь и внешние отношения, его значение в истории христианской догмы, административные права по отношению к митрополиям и епископатам, его экономическое положение, значение в общественной жизни Антиохии и политических движениях восточной части империи, его связи с отдельными областями и народами огромной территории патриархата.

Более широко понятую задачу, которая соответствовала бы и заглавию книги, автор отклоняет. В его книге читатели „не найдут ничего или почти ничего, что относилось бы к внутренней жизни патриархата — к литературе, праву, литургике, учреждениям. Не ставит он себе целью проникнуть в детали гражданской или военной организации. Многочисленные надписи, среди которых много датированных, могли бы дать любопытные сведения об архитектуре, не говоря о технике“ (стр. X). То, что автор дает, это — „в некотором роде антиохийский патриархат, рассматриваемый извне“.

Можно выразить сожаление, что автор, так ограничивая тему, заранее лишает ее значительной части интереса. Ниже мы увидим, как автор выполнил свою задачу — рисовать патриархат „извне“.

Книга распадается на две части. Первая часть представляет очерк общей истории антиохийского патриархата — с объявления христианства государственной религией и до арабского завоевания. Вторая посвящена местной истории провинций и епископий, епископским спискам и перечню христианских памятников, включая эпиграфический материал, рассеянный на огромной территории патриархата.